

Разрыв с митрополитом Евлогием

К концу двадцатых годов русская Церковь находилась в чрезвычайно деликатной и сложной ситуации.

«Когда в апреле 1925 года умер патриарх Тихон, Церковь только начинала приходить в себя, после многих лет террора, когда тысячи священников и мирян были физически уничтожены. Но физические преследования не могли предотвратить духовное восстановление Церкви, впервые, через четыреста лет, освобожденной от всяких мирских и государственных обязательств. [...] Вопреки постоянной поддержке, оказываемой режимом Обновленцам и сектам, [...] страдания, перенесенные Церковью, обеспечили ей национальную поддержку такого уровня, какого она прежде никогда не знала».[\(28\)](#)

Однако «Церковь была практически вне закона. Около половины ее епископов были арестованы или отправлены в ссылку; те же, кто оставался, не могли управлять своими епархиями, где свирепствовали расколы: „Живая Церковь“, „Церковь Обновленная“, „Иосифляне“, „Грегорианцы“, „Истинные православные христиане“ и т.д. Главную опасность представлял собою Синод обновленческой церкви, узаконенный и поддерживаемый правительством, к которому он подстраивался из всех сил. Легализация Церкви была первой задачей, которая встала перед Патриархом».[\(29\)](#)

Эта легализация требовала, чтобы были «определены отношения между Церковью и Государством в новых условиях. Это было невозможно до тех пор, пока светские власти продолжали видеть в Церкви своего врага: не пойдет ли она против Государства, как только представится случай, например, за границей? Разве не она пыталась, в разгар блокады и голода, помешать признанию западными странами советского государства? Так же, как и клир, епископы за границей, не несли никакой ответственности за свою политическую деятельность, но не обходилась ли „свобода“ их слишком дорого русской церкви?».[\(30\)](#)

«Местоблюститель патриаршего престола, после смерти патриарха Тихона, митрополит Петр Крутицкий — был выслан; затем был назначен Преосвященный Сергей, митрополит Нижнего Новгорода, который также был арестован на долгие месяцы. [...] Чтобы защитить Церковь и четко отграничить церковную сферу от политической, митрополит Сергей, вместе с патриаршим Синодом (по примеру патриарха Тихона) направил митрополиту Евлогию послание, датированное 14-ым июля 1927 года, первый абзац которого требовал от епископов и духовенства за границей дать ему лично расписку ничего не разрешать „в общественной деятельности и особенно в церковной деятельности, что могло бы рассматриваться как выражение нелояльности по отношению к советскому правительству”».[\(31\)](#)

Митрополит Евлогий опубликовал этот указ в *«Церковном Вестнике»*[\(32\)](#) вместе с проповедью, произнесенной им по этому поводу, в которой он просил «сохранить связь с митрополитом Сергием» [...] и остерегаться осуждать его : „Вспомните, как совсем недавно осуждали покойного Патриарха Тихона [...]; поберегитесь преждевременно осуждать митрополита Сергия. [...] Для нас очень важно, скажу даже больше — необходимо сохранить единство с нашей Матерью, русской Церковью. [...] Только на ее спасительном лоне наша церковная жизнь может развиваться нормально, только в этом

единстве мы находим моральную поддержку, незаменимую во всех испытаниях. [...] Если глава нашей иерархии говорит нам, что политические выступления духовенства за границей приносят матери Церкви вред, последствия которого трудно переоценить, если она дорого расплачивается за это там и страдает, [...] тогда, конечно, из любви к ней, мы должны отказаться от выступлений, чтобы не быть для нее обузой, особенно в этот трудный и ответственный момент, когда она начинает приходить в себя. [...] Если дело митрополита Сергия чисто человеческое, оно погибнет, если же Божественное, [...] берегитесь, чтобы вам не оказаться и Богопротивниками (Деян., V, 38-39). Господь вскоре сделает все явным»(33).

Будущий архимандрит Сергей, в то время Кирилл Шевич, писал в октябре 1929:

«Главнымъ орудіемъ ея [советской власти] борьбы съ Церковью было обвиненіе въ политической нелояльности, въ участіи въ политической борьбѣ противъ существующей власти. Этотъ пунктъ былъ наиболее уязвимымъ для Церкви, если бы она настаивала на политическомъ непріятіи новой власти, если бы открыто заявила о томъ, что продолжаетъ не признавать эту власть и будетъ призывать свою паству къ политическому противленію ей, то тогда большевикамъ легче было бы учинять разгромъ церковной жизни Русскаго Народа, легче было бы лишать его всякаго пастырскаго руководства и благодаря этому усиливать процессъ его ухода отъ отеческой веры въ безбожіе и въ угрожающе усиливавшееся сектантство, лучше умѣвшее съ самаго начала революціи принаравливать къ новымъ условіямъ жизни. [...] Но ея [Православной Церкви] мудрые и самоотверженные руководители, прежде всего самъ Патріархъ Тихонъ, нашли въ себе достаточно духовныхъ силъ для того, чтобы, пожертвовавъ многимъ, что было для нихъ дорого и привычно, имѣть мужество отказаться отъ политической позиціи и вывести Церковь изъ взбаламученнаго моря политическихъ страстей.

Патріархъ Тихонъ и его преемники, сумѣвшие несмотря на все препятствія и соблазны, вывести Православную Церковь изъ политической борьбы и занять новую, чисто религіозную позицію, темъ самымъ выбрали изъ рукъ враговъ Церкви ихъ самое мощное оружіе — возможность бороться съ Церковью, какъ съ политической организаціей.»(34)

«Однако митрополит Евлогий потребовал уточнений, о том, как следует понимать слово „лояльность“. Сам он, его клир, так же, как и его паства, не были советскими гражданами, как же можно было требовать от них покорности законам чужого правительства? „Я обязуюсь, — писал он, — настаивать на избранной нами позиции, в согласии с предписаниям его святейшества Патриарха Тихона о невмешательстве Церкви в политическую жизнь и воспрепятствовать тому, чтобы подчиненные мне церкви превращали свои амвоны в политические трибуны“. Митрополит Сергей ответил письмом, в котором он объяснял, что „термин лояльность вовсе не означает следования советским законам“ и что, помимо прочего, он не настаивает ни на каких точно сформулированных обязательствах. И когда, позже, все духовенство, за исключением двух-трех священников, приняло на себя эти обязательства, митрополит Сергей выразил согласие, по просьбе Преосвященного Евлогия, чтобы эти документы не посылались ему, но оставались в парижской епархиальной канцелярии. [...] Отношение митрополита Евлогия было в этот период, как мы видим, [согласно позиции, выработанной ранее по отношению к „Синоду за границей“ (35)], канонически верным(36)», и представлялось доказательством неизменной верности Московскому Патриарху.

Именно в таком контексте, в январе 1930 года и была принята западными христианами новая инициатива, «без консультации заинтересованных сторон: православной Церкви в СССР и русских церковей диаспоры(37)», конечно, с лучшими намерениями, но приведшая к крайне тяжелым последствиям: Папа Пий XI объявил начало «молитвенного крестового похода», предпринятого Ватиканом в пользу жертв преследований. Весь христианский мир должен был принять в нем участие, «включая и тех, кто не подчиняется его авторитету» — имелись в виду протестанты, англикане и сами православные.

«Особенно внимательно мы должны относиться къ вопросу о помощи стоаждущей Русской Церкви. — написал тогда Кирилл Шевич, комментируя эти события. — Тутъ нужно проявлять очень большую осторожность, чтобы своими дѣйствіями не дать лишняго оружія въ руки гонителей, всячески стремящихся доказать, что Церковь служить не религіознымъ, а чисто полтическимъ цѣлямъ.»(38)

В феврале того же года, «отвечая, в связи с этим, на довольно прямой и неделикатный вопрос иностранных журналистов, митрополит Сергей объявил, помимо прочего, что Церковь не подвергается преследованиям в Советском Союзе [вслед за этим митрополит Евлогий охарактеризовал его поступок как „героическое отречение”] и добавил, что она не нуждается во вмешательствах ни Папы Римского, ни Архиепископа Кентерберрийского. [...] Тем не менее, через четыре дня после этого интервью, митрополит Сергей представил главе религиозной комиссии пространный меморандум, в котором перечислялись жалобы Церкви на притеснения со стороны Государства и находилась просьба о прекращении разных несправедливых и враждебных Церкви правительственных мероприятий»(39). Это значит, что, когда журналист задавал свой вопрос Блаженнейшему, меморандум уже был отправлен, что делало какое бы то ни было публичное заявление невозможным. Однако Митрополит Евлогий выразил свое сильное возмущение, по поводу публикации выше цитированного интервью.

Представителям европейского общественного мнения, абсолютно не понимающим сложности и ужаса ситуации в Советском Союзе, казалось, что публичное выражение их протестов могло помочь русской Церкви. С этой целью было организовано множество разных митингов, сперва протестантов в Париже, затем и в Лондоне. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что организаторы митингов параллельно преследуют чисто политические цели(40), митрополит Евлогий поначалу отказался в них участвовать. Но под давлением англикан, он в конце концов прибыл в Лондон и не только принял участие в митингах, но даже произнес речь, которая была широко освещена в прессе. Митрополит Сергей узнал о ней из газет. Поэтому, в апреле 1930 года, он направил митрополиту Евлогию письмо, в котором спрашивал, правда ли то, что он произносил такую речь и, если правда, то как примирить ее с обязательством, им взятым на себя ранее.

По получении ответа от митрополита Евлогия «митрополит Сергей счел его оправдания относительно манифестаций в Лондоне „слишком наивными, для каждого, кто хоть немного осведомлен об отношении английского общества к Советскому Союзу и что их невозможно было принимать всерьез”»(41). Митрополит Сергей, совместно с Патриаршим Синодом, указом от 11 июня 1930 года, снял с митрополита Евлогия его полномочия и поручил временное руководство русскими церквями в Западной Европе архиепископу Владимиру (Тихоницкому).

Архиепископ Владимир отказался от руководства и заявил, что ни он, ни его клир не подчинятся решению Синода. Вслед за тем состоялось собрание епархиального совета, а после него — епархиальный съезд(42). Однако считалось возможным не прерывать «каноническую и духовную связь с матерью Церковью». Как у Карловцев, и в противоположность еще недавней позиции митрополита Евлогия, принадлежность к поместной церкви и признание ее иерархии совмещалось с неповиновением этой же иерархии. «В наших условиях, — объяснял митрополит Евлогий, — оглашение этого указа означает фактический разрыв нормальных отношений нашей епархии с высшими церковными властями в Москве и невозможность подчиняться их предписаниям»(43). «Отказ от политики, требуемый митрополитом Сергием, рассматривался как политический акт, который был Церкви не нужен, а угоден только государству»(44). Шесть человек, отказались покинуть патриаршую Церковь, среди них были пятеро членов Братства св. Фотия: Владимир Лосский, Евграф и Максим Ковалевские, а также г-жа Мария Каллаш. Их мотивировку можно сформулировать следующим образом: «нельзя оставлять мать-Церковь, когда она распинаема!»(45)?

«Позже, митрополит Елевферий Литовский и Виленский охарактеризовал события перед 1930, как постепенную политизацию епархии митрополита Евлогия. Этот последний, по его мнению, „не мог освободиться от светского контекста, которое постепенно увело его на неканонический путь“; лично митрополит Евлогий „очень страдал, сопротивляясь в душе такому течению; но, ослабнув духовно, он не находил в себе сил противостоять общественному давлению, и вступил на путь разрыва с матерью Церковью“. [...] Действительно, собор июня 1930 года был отмечен резкой политизацией. [...] По мнению большинства участников, не стоило бояться политики: всякое общественное выступление всегда имеет политический характер, *одной молитвы недостаточно*, — говорили они. „Все рассуждения еkkлeзиастического и канонического характера являются в настоящий момент лишь формой, внешней оболочкой. [...] Политика теперь — это наша жизнь, и мы не можем ее избежать”(46)».

По этому поводу архимандрит Сергей писал немного спустя : «Борьба за Русское будущее ведется по двум основным путям: религиозному и политическому. Пути эти, конечно, соприкасаются, но во многом совершенно различны. *То, что на одном из них является проявлением силы и высшим напряжением борьбы, то на другом пути может оказаться слабостью, капитуляцией и компромиссом* [курсив наш]. Правила духовной борьбы, ясно указанные в Священном Писании (например, в послании апостола Павла кь Эфесянам) и в творениях Святых Отцов и подтвержденные всем многовековым церковным опытом, кь земной политической борьбе часто бывают совершенно неприменимы [и наоборот]. Вследствие смещения этих двух путей в истории уже не раз бывали трагические конфликты и недоразумения. Происходят они и в наше время.(47)»

Но митрополит Евлогий написал в Патриархат, повторяя свои доводы. Митрополит Сергей ответил указом от 26 декабря 1930, в котором подтвердил указ от 10 июня, и объявил о роспуске правления епархии. Те шесть человек, которые остались на каноническом пути, были поручены митрополиту Елевферию Литовскому и Виленскому.

Преосвященный Антоний (Блум) так прокомментировал эти события: «Церковь была вынуждена лавировать, чтобы выжить, но она всегда оставалась верна своему призванию. Преосвященный Евлогий, в свою очередь, подчинился давлению

окружения. Но он попросил поддержки у Константинопольской Церкви лишь временно, с тем, чтобы потом, как только это станет возможным, возобновить нормальные отношения с патриаршей Церковью, что он фактически и сделал в 1945 году. И умер он, согласно своему желанию, в лоне матери Церкви. В частной беседе он сказал: „Их путь прям, а наш — извилист. Но мы движемся к единой цели”»(48).

---

28) Дмитрий Попеловский: «Russian Church under the Soviet Regime» [«Русская Церковь во времена советского режима»], Saint Vladimir Press, 1984, volume I, p. 99-112.

29) *Notes et materiaux sur l'histoire de l'Eglise russe en Europe Occidentale* [Заметки и материалы об истории русской Церкви в Западной Европе], Paris, Exarchat du Patriarche de Moscou en Europe occidentale, 1972, с. 4.

30) *Notes...*, ук. соч., с. 4.

31) *Notes...*, ук. соч., приложение № 7, с. 44..

32) №3, 1927, с. 6-8.

33) О пасторских достижениях Преосвященного Сергия и о том, чего он добивался для верующих, см., в частности, статью Кирилла ШЕВИЧА: «Быть или не быть России!» в *Оповѣщеніе Союза Младороссовъ*, № 7-8, октябрь 1929, а также того же автора : « Срывъ антирелигіознаго штурма » в журнале *Младороссъ* 1930, № 4, где приводится множество враждебных Русской Церкви документов (единственных, которыми тогда можно было располагать за рубежом) и разных свидетельств.

34) Кирилль Шевичхъ : « Быть или не быть России!», ук. соч., с. 81-82.

35) *Notes...*, ук. соч., с. 1-8.

36) *Notes...*, ук. соч., с. 9-10.

37) Е. Бер-Сижель, ук. соч., с. 206-207.

38) *Младороссъ*, 1930, № 3, с. 4.

39) *Церковный Вестник*, n° 10, 1930, с. 8 (цитируется по *Notes...*, ук. соч., с. 14).

40) Об этих особенностях внутренней политики Британии см. *Notes...*, ук. соч., с. 11.

41) *Церковный Вестник*, № 3, 1931, с. 10 (цитируется по *Notes...*, ук. соч., с. 12).

42) О документах, принятых на этих собраниях — имевших место в июне 1930 года, а не в июне 1931 года, как утверждает Е. Бер-Сижель, ук. соч., с. 209 – см. *Notes...*, ук. соч., с. 13 и приложения.

43) *Церковный Вестник*, № 10, 1930, с. 13 (цитируется по *Notes...*, ук. соч., с. 13).

44) *Notes...*, ук. соч., с. 6.

45) Это нам подтвердили сами участники.

46) См. *Notes et materiaux*, с. 13-14, где цитируется "Открытое письмо", опубликованное в *Церкомном Вестнике*, № 11, 1930, с.9 и 11.

47) *Младороссъ*, № 7, апрель 1931 г.

48) Неизданная беседа, май 2000 г.